

Лилия ИШУТКИНА

Людмила Петровна
Бараневич

Простые стихи

1

Я живу на улице Заречной,
На окраине,
в старинном доме...
Размышляю о проблемах вечных
И валяюсь в поле на соломе.

А еще гуляю я с собакой
По пустым
проселочным дорогам,
Веселю ее шутилкой дракой
И стихи слагаю понемногу...

Каждый всплеск
едва мелькнувшей мысли
Я ловлю, как редкий миг удачи.
И себя среди счастливых числю —
Поздней осенью,
на старой даче.

2

Плывут облака куда-то,
Плывут они низко-низко!
Без всяких на то мандатов
И без особого риска...

А я, как поэты земные,
Гляжу на них в духе ретро
И им говорю: "Родные!
Плывайте по воле ветра!"

Сама остаюсь в качалке,
Без облачной легкой силы.
И думаю: "Ах, как жалко!
Зачем родилась бескрылой?"

3

Бредут коровы, козы, гуси...
Окончен день паствы вне дома.
И снова бык, его боюсь я,
Мычит свирепо и знакомо.

Пылится вслед ему дорога,
Кричат хозяева в закутах,
А вечер медлит у порога:
Он ждет конца сует и смуты.

Покой и тишь приходят вскоре.
Все спят — хозяйева и звери.
И пусть ночное чье-то горе
Не постучится в ваши двери!

4

Тут есть погост
на ближнем берегу:
Его сто лет никто не посещает...
Лишь на соседнем

скошенном лугу
Пастух лениво стадо собирает!

Кресты погоста кренятся давно,
В забвенье брошены могилы.
Живым потомкам,
видно, все равно,
Чья кровь струится
по их жилам!

Но каждому
определен свой срок,
Чтоб помнили о нем
и за него молили.
Таков погоста сельского урок...
А вы своих умерших
не забыли?!

5

Я здесь пишу не торопясь,
Не ощущая жара лета.
И с благодарностью крестясь,
Я небу кланяюсь за это.

Мой старый дом упрятан в сад,
Он в вишнях и в кустах сирени.
По стенам вьется виноград,
Трава щекочет мне колени.

За огородом — блеск воды:
Там ночью плещутся русалки...
И шорохи на все лады,
И скрип покинутой качалки,

И стих Ахматовой! Он вдруг
Ночною птицей обернулся;
Произнесенный мною вслух,
Прочь улетел — и не вернулся!

Но одинока ль я? Ведь тут
И дети, и Одесса рядом,
И бесконечный книжный труд:
Мне счастья большего не надо!

Инна РУДИ

СТИХИ

Другу

Предвкушеньем, предверьем, предтечей
Был наполнен цветущий бульвар,
И плескался в кружении вечном
Зачарованный мир человеческий.
И была эта дивная встреча —
Словно в сердце внезапный удар.

И может промчатся сто тысяч веков,
Покуда пройдешь эти десять шагов,
И руки взметнутся в обгон высоты,
Как две раскаленных версты.
В дрожании намертво сомкнутых глаз
До капли истрачен последний запас,
Последний оплот потаенных вершин
Разверстой до боли души.
И мнится, что вся околесица лет —
Не ложь, не игра, не отчаянный бред,
И стоило так вдохновенно страдать,
Чтоб друга однажды обнять.

Я шла одна среди целого народа
Последних мудрецов...
И был сентябрь, и всё мне говорило,
Что красота и гибель поколений
Ради меня сегодня собрались
И так молчат, как будто вопль скрывают.
И пышный куст боярышника, кровью
Разбрызганных плодов почти сверкая,

Лада ПРОКОПОВИЧ Сансевьеры

Сансевьера трехполосая —
Sansevieria trifasciata Prain. Сем.
лилейные. Травянистый многолет-
ник с толстым корневищем, от ко-
торого отрастают крупные мече-
видные, прямостоячие, жесткие, с
темно-зелеными поперечными по-
лосками на светлом фоне листьев.

— Сегодня два чужих мужа пали
жертвами моих сансевьер! — заявила
я собственному мужу.

Его реакцию представить несложно.
Минуты три астрального зависа-
ния. Ну, во-первых, надо вспомнить,
что такое "сансевьеры". Во-вторых,
сообразить, как они могли так сильно
подействовать на чужих мужей. И в-
третьих, ЭТО КАКИЕ ТАКИЕ ЧУЖИЕ
МУЖЬЯ?!

В общем, произведенным эффек-
том я осталась довольна.
Теперь надо было разгрести по-
следствия этого эффекта.

— Если хочешь, я расскажу тебе все
по порядку.

— Сделай одолжение.
Я уселась поудобней в кресло и,
входя в роль Шехерезады, повела
свой рассказ.

— Случилось так, что прослышали
мои подружки о том, что у меня есть
удивительное растение — сансевье-
ра. И узнали они, что оно прекрасно
подходит для оформления интерьера.
И спросили они у меня, могу ли я по-
делиться отрезками.

А Аллаху было угодно, чтобы имен-
но в это время мои сансевьеры силь-
но разрослись, дав множество моло-
дых побегов. Глядя на изумрудную зе-

лень этих длинных изящных листьев,
поэт сказал:

Все чудеса Востока
не сравнятся с их красотой,
Как песни поэтов
не ранят своей остротой!

И другой поэт сказал:
О Аллах! Сохрани сансевьеру
которая нам дороже,
Чем золото высшей пробы:
и золото с ней схоже.

И третий поэт сказал:
Луна в небесах обнажается,
словно клинок,
А сансевьера, как женщина,
точит свой ноготок.

И четвертый поэт сказал что-то там сказал...
А я сказала — конечно, я дам своим
луноликим подружкам отрезки своих
сансевьер...

— Постой, — прервал меня супруг,
— ты что, собираешься это рассказы-
вать тысячу ночей?

— Нет, — поспешила я его успо-
коить, — надеюсь уложиться в одну.
— Тогда продолжай.

— Короче, дала я два отростка
Светке и два — Ленке. А у Ленки до сих
пор не было ни одного цветка. Сам по-
нимаешь — в общаге не до цветовод-
ства. Но она увидела мою сансевьеру
и сломалась. Взяла у меня отростки.

Посадила их в красивый горшок,
поставила на подоконник. Ходит мимо,
любуется. Один раз прошла. Другой.
Чувствует, чего-то не хватает. Вечером
говорит мужу — знаешь, папик, один
цветок как-то не смотрится на этом
окне, сюда нужен еще один.

Муж удивился, вздохнул, а на сле-
дующий день купил ей огромную дра-

цену! Она поставила ее рядом с сан-
севьерой и поняла, что без третьего
цветка им просто не обойтись. Теперь
муж бегаёт по цветочным базарам и
магазинам в поисках желтой розы!

— Да тебя убить мало с твоими сан-
севьерами! — проявил мужскую соли-
дарность мой супруг.

— Понимаю, — согласилась я. — Но
Ленкин муж, между прочим, еще лег-
ко отделался.

— Гм...
— Да. Потому что Ленка для своих
растений купила керамические горшки,
в которых обычно заранее делаются
дренажные отверстия. А Светка купила
пластмассовые горшки. Без отверстий.

— И ее мужу пришлось их делать, —
проявил чудеса проницательности
мой супруг.

— Точно, — подтвердила я. — Свет-
ка ему популярно объяснила, что и как
нужно делать. Сказала, что лучше
всего — нагреть большой гвоздь или
отвертку и проплавить дырку. Муж,
как человек восточный, поступил по-
восточному. Он внимательно выслу-
шал женщину и сделал все наоборот.

Он подумал, что с нагретием и про-
жиганием слишком много возни. А по-
тому взял горшок, поставил его вверх
дном, примостырил гвоздик и со всей
дури лупанул по нему молотком.

— И горшок, конечно, треснул, — со
знанием дела заметил мой муж.
— Ну, не весь... трещина прошла
только по дну... Но Светкин муж имел
что сказать!

— Могу себе представить!
— Нет, не можешь. Об этом можно
только догадываться. Да и то весьма
смутно. Судя по последствиям.

— А какие были последствия?
— О! На следующий день, желая
компенсировать трещину в горшке и в
семейном покое, он приволок ей це-
лую коллекцию кактусов! Опять же,
как восточный человек, он рассудил

Под натиском бабушкиной критики
медицина сконфузилась и отползла в
ближайший окоп. Там она встретила
детскую диетологию, педагогику и эти-
ку семейных отношений. Все были
бледны, подавлены и деморализова-
ны. Над окопом взметнулся белый
флаг.

Невестка на поле боя опять осталась
одна.
Бабушка вскинула автомат, щелкну-
ла затвором.
— Это легкомысленно, безответст-
венно, безнравственно, без... без... —
полетели в сторону невестки трассиру-
ющие пули.
— Но мы же не вливаем в него бока-
лами!
Молодая мама отстреливалась и оп-
равдывалась, как могла. Ей даже пока-
зались, что эту битву, хоть и с незначи-
тельным перевесом, выиграла она.
А на следующий день, когда родители
мужа благополучно отбыли, она по-
чувствовала, что у нее что-то плохо с
сердцем... Рука потянулась за нитрогли-
церин. Там еще оставалась одна таб-
летка... Последний патрон — для себя.

Губит людей не пиво!

Этого дня в семье Энских ждали по-
разному. Муж с радостью и надеждой.
Жена с волнением и тревогой, в полном
боевом вооружении (валерьянка, вали-
дол, нитроглицерин). Маленький Тёма
— безмятежно, ничего не подозревая.

И этот день настал.
Приехали родители мужа.

Бабушка и дедушка сразу рунулись в
бой. Первая лобовая атака оказалась
на редкость огулительной. Тема, не
привыкший к столь редким гостям,
разревелился так, что соседи стали сту-
чать в стену. Но малыш плакал и пла-
кал. Не принимал подарки. Дескать, не
нужны мне ни вы, ни ваш плюшевый
мишка...

Когда бой несколько поутих, проти-
воборствующие стороны разошлись.
Энские уползли на кухню, по пути под-
бирая раненых, а бабушка и дедушка
остались в комнате, пытаясь куда-то
пристроить знамя полка — плюшевого
мишку. В доме запахло порохом и ва-
лерьянкой.

Немного погодя Энские выслали
парламентера. В лице папы. Переми-
наясь с ноги на ногу, покашливая в ку-
лак, он предложил дедушке:

— Ну, что?... Пока там готовится
праздничный ужин... может, по пивку?
— Пожалуй, — оживился дедушка.

Тема, увидев, как папа открывает хо-
лодильник и достает бутылку пива, ра-
достно захлопал в ладоши:

— Пи! Пи!
— Вы даете ему пиво??? — ужасну-
лась бабушка.

— Да, — ответила Темина мама, бро-
саясь грудью на амбразуру, — но очень
редко. И совсем немножко.

Однако бабушка не услышала ни
"очень редко", ни "совсем немножко".
Она продолжала на своей волне:

— Может, лучше давать ему соки?
Это, наверно, полезнее...

— Соки мы ему тоже даем, — не то в
шутку, не то всерьез выпалила мама и
вышла из кухни, чтобы заняться серви-
ровкой стола.

Не зря склонился на краю могилы
И жадно пьет оттуда и от солнца,
Разлитого средь таинства аллей,
Где все тропинки убегают в небо.
И запах скошенной травы мутит сознание,
И нищие меня благословляют,
А сотни, сотни неподвижных глаз
С недоуменной строгостью глядят.
И я стою, всем сердцем вопрошая:
За что, за что мне это озаренье,
За что мне счастье, жгучее как ярость,
Терзающее жестче, чем беда?..

Ничто не вздрогнуло, ничто не шелохнулось,
Ничто пощады мне не посулило.
И, голову склоняя от стыда,
Я с сентябрем отныне примирилась,
И в том, что не было дано ответа —
И был ответ.

Когда из всех земных видений
Осталась только боль...

Приветствую тебя, достойная подруга!
Ты — к стати. Ты так вовремя пришла,
Как лишь друзья одни прийти умеют.
Пойдем, пойдем, нам нужно одолеть
Немало важных дел. Весну, к примеру.
Да, да, весну. Ты видишь, как она
Бесстыдно и бессовестно ликует
И нагло вниз тарашится — а там
Кишмя кишат потерянные духом?..
Пойдем. Нам не к лицу смотреть на это.
И — знаешь? — мы пойдем с тобой легко,
Ни сердцем, ни судьбой не избегая
Всего того, что затаила жизнь

Среди своих незримых преступлений.
Но вот моя последняя мольба:
Не покидай меня — и я тогда сумею
Без ужаса смотреть на странный мир,
В котором сильный человек рыдает,
Как малое дитя.
И вздрагивают плечи.

Ничто, ничто уж не страшит —
Дожить бы до утра.
И гордый сад своей души
Спасти от топора.

В тот миг, когда вы покаянно тенью
Потерянно ищете дух утешенья —
В смятении грешном,
С тоскою нездешней —
Скорее! — придите ко мне, безутешной.

Ко мне — безутешной, ко мне — сиротливой,
Ко мне — безнадежно,
безбрежно счастливой,

Мы сядем в молчаньи,
Без слов, без признаний,
И просто разделим немые стенанья.

Мы жадно друг другу посмотримся в душу —
И я этой бездны безумной не струшу,
В безумнейшем веке,
Где мы, человеки,
Столкнулись на миг — и простимся навеки.